

Егор Флагов

Авария

Сборник рассказов

Егор Флагов

Авария. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Флагов Е.

Авария. Сборник рассказов / Е. Флагов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502287-5

Перед тобой, читатель, сборник рассказов Егора Флагова (псевдоним, под которым публикуется Георгий Знаменский). Рассказы эти не совсем обычные. Они представляют собой жанр остросюжетной новеллы с совершенно неожиданным финалом. На Западе такие произведения относят к литературе «саспенс». Само слово «саспенс» в переводе означает напряжение, беспокойство, волнение.

ISBN 978-5-00-502287-5

© Флагов Е.
© Издательские решения

Содержание

ПИСЬМО	6
НАСЛЕДНИК	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Авария

Сборник рассказов

Егор Флагов

© Егор Флагов, 2019

ISBN 978-5-0050-2287-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВАРИЯ

сборник рассказов

СОДЕРЖАНИЕ:

ПИСЬМО

НАСЛЕДНИК

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

КОНТРАКТ

НОВЫЙ ДИРЕКТОР

АВАРИЯ

ПИСЬМО

«...Здравствуй, моя любимая Наташа. Прости за то, что так долго не писал тебе. Наверное, ты обижаешься. Но поверь, обстоятельства складывались так, что у меня не было никакой возможности. Теперь вот, наконец, пишу. Правда, я не уверен, что это письмо дойдет до тебя. Не знаю почему... Но к тому есть некоторые опасения.

Ты помнишь, я писал тебе что мы вели бои южнее Перебродовиц. Три недели беспрестанных боев. То мы атаковали австрийцев, то они нас. Но эти атаки не приводили ни к чему, кроме бессмысленного кровопролития. За три недели наш полк потерял половину личного состава и нас отвели к Вышковицам для пополнения. Местное население было настроено к нам весьма дружелюбно. Этнические славяне, они видели в нас освободителей от австрийского деспотизма. Целых два месяца отдыха и ленивого бездействия. Чтобы скоротать время мы совершенствовались навыки джигитовки и владения шашкой. Но чаще всего мы играли в карты и пили местное «хотиш» – местный алкогольный напиток. Его готовят из недозревших яблок и алычи. Довольно специфический на вкус, но зато крепкий. По сути, – самогон. Любопытно, как он действует на организм. Сколько бы ты ни выпил этого хотиша, твое сознание остается абсолютно чистым. А вот ноги перестают тебя слушаться. Но зато с утра нет даже малейшего признака похмелья. Когда, наконец, нас доукомплектовали, то мы двинулись к Белокоровице.

Командование перебросило наш гвардейский полк в помощь генералу Хлюдову и его 3-ей Ударной бригаде. Помню, как мы выгружались на городском вокзале. Дул сильнейший ветер, гнавший по небу свинцовые и низко-тяжелые тучи. Мелкий дождь впивался в лицо миллионом мокрых и холодных иголок. Наши кони ржали и лягались. Унтера матерились во весь голос, не стесняясь присутствия на перронах гражданских и представителей властей города. А я присел на темно-зеленый ящик с патронами и на листочке попытался написать тебе. Получалось крайне неудобно. Да и ветер попросту выдрал листок у меня из-под руки и унес куда-то за привокзальные склады. А потом Ланевский скомандовал построение. «Ладно, – подумал я, – напишу при первом же удобном случае». Вот этот случай и наступил.

Не знаю, получишь ли ты это мое письмо... Да, я почему-то повторяюсь. Знаешь, сейчас упорно вспоминается ротмистр Шалевич. Ты должна помнить его, любимая. Тот самый красавец почти двух метров росту, с широченными, как у мужика-грузчика, плечами, огромными кулаками и при этом каким-то по-детски добрым лицом. В голову словно врезалась картина: он стоит вполборота ко мне как раз напротив семафора. Воротник его голубовато-серой шинели поднят. Из-под козырька фуражки смотрят его какие-то наивные и грустные серые глаза. Словно он чувствовал свой скорый конец... И эта его извиняющаяся улыбка... Он погиб неделю назад. В той атаке на позиции противника у Северного леса. Про нее наверняка напишут все газеты. И ты можешь гордиться тем, что я участвовал в той атаке, командуя эскадромом.

Мы двигались к месту боев почти двое суток. По невероятно разбитым дорогам. А еще говорят, что, мол, у нас в России дороги плохие. Видела бы ты их местные дороги! Ямы, наполненные вонючей водой, рытвины, ухабы и сплошная непролазная грязь. Наверное, наши лошади, умея они говорить, в свое ржание вложили бы сотни матерных слов! Рядом с нами тянулись пехотные колонны и артиллерийские батареи. Колеса орудий и зарядных повозок вязли в дорожной грязи, больше напоминавшей густую темно-бурую патоку. Несчастные першероны выбивались из сил. Вокруг них суетилась орудийная прислуга, до самых макушек забрызганная грязью. Мимо шли пехотинцы. Но ни один из них не попытался помочь. Они только равнодушно взирали на всю эту картину, лужая тыквенные семечки и сплевывая шелуху прямо под ноги.

А потом было то самое утро. Утро боя. И то небо. Мне всегда казалось, что оно будет похоже на небо Аустерлица, как его описывал Лев Николаевич. Но нет. Ничего подобного. Оно было до болезненного удивления безликим и словно подчеркнуто равнодушным к нам, людям, затеявшим в то утро массовое убийство, красивое именуемое боем. Какое дело вечному и высокому небу до нескольких десятков тысяч людей, что суетились в огне и дыму, стараясь захватить или удержать тонкую линию покрытой пожухлой травой земли площадью в три квадратных километра.

Волна за волной наши цепи разбивались о траншеи австрийцев. Те выкашивали пулеметным огнем сотни наших солдат, которые серыми шеренгами бежали по размякшей от дождей глинистой земле и падали в нее. Падали с разлета. «Дуг-дуг-дуг» бормочут пулеметы. «Дуг-дуг-дуг» – и цепи откатываются, оставляя на земле комочки умирающей теплой плоти, разорванной раскаленной сталью. Откатываются, группируются и вновь идут вперед. И снова дугочат австрийские пулеметы. Время от времени раздается звонкое «Банг!» – разорвался снаряд. Прямо посреди наступающих цепей. Грязно-серое облачко, смердящее лиддитом, вырастает, словно гриб. Оно развевается, а на земле остается еще несколько неподвижных серых комочков. Пехотный лейтенант Колосов (совсем ещё мальчик), с которым я случайно познакомился перед боем, погиб именно там.

А потом в атаку бросили нас. Боже, любимая моя Наташа! Ты бы видела, как мы пошли! Словно ангелы Апокалипсиса! Казалось, что никакие пулеметы и снаряды не смогут остановить нашу лаву коней и всадников. Казалось, что эта лава сокрушит врага и втопчет его копытами в эту размытую землю. Австрийцы били по нам шрапнелью. Шалевича убило на моих глазах. Осколком снаряда срезало голову. Ровно срезало. Чуть выше верхней губы. Как нож срезает половинку яблока. Все произошло мгновенно, а мне казалось, что это продолжалось несколько минут.

Потом взрывом опрокинуло меня вместе с моим верным Мурадом, придавившим меня всем своим весом. Горячий воздух, плотный и пахнувший чем-то прелым, ударил, подобно огромному раскаленному кузнечному молоту.

Неделю после этого я спал и не видел никаких снов. Словно провалился в бездонную и безмолвную тьму. А вот прошлой ночью мне приснился сон! Представляешь?! Впервые за целую неделю! Хочу рассказать о нем.

Мне снилась ты, моя любимая. Ты, моя обожаемая Наташа. В тот самый незабываемый день нашего знакомства. Помнишь его? Был май. Весна. Необычайно тепло. Пахло жасмином и почему-то морем. До сих пор не знаю, почему мне тогда чудился соленый морской аромат... Я ощущал его и в этом сне. Ты в своем белом платье и в белой шляпке. Ты и твои такие озорные и красивые темно-карие глаза! А еще твоя очаровательная и неповторимая улыбка.

Начинают путаться мысли... Но это нормально после всего произошедшего со всеми нами в той атаке на австрийские позиции. Удивительнее другое – я видел сон! Это настоящее чудо. Уверяю! И Шалевич мне сказал, что такого попросту не могло быть. Ведь мертвые не видят снов...»

НАСЛЕДНИК

Прекрасный дом. Нет, даже не дом, а самый настоящий дворец! В таких, наверное, жили египетские фараоны – я о них слышал, но не помню только где Четыре этажа, сорок восемь комнат, не считая разных там подсобных помещений. А прилегающая территория? Огромный парк с речушками, мостиками, уютными аллеями и беседками. Можно целыми днями наслаждаться природой, носиться по траве и вдыхать ее свежий и чуть терпкий аромат.

К твоим услугам целая небольшая армия прислуги, готовой предвосхищать любое твоё желание. Даже самое абсурдное и взбалмошное. Добавим к этому прекрасную еду, автопарк самых дорогих и элитных автомобилей, лучших врачей и парикмахеров... Одним словом, – рай, а не земная жизнь. И все это благодаря титулу наследника миссис Эверет Ван Лассен и тем самым заветным шести сотням миллионов зеленых бумажек, именуемых «долларами». Разумеется, не стоит забывать и доходы от целого ряда промышленных предприятий, торговых корпораций и издательских агентств. Все это теперь мое. Мое по закону и, что важнее, по праву! И это позволяет мне вести теперь тот самый образ жизни, о котором сотни и сотни миллионов мне подобных не могут даже и мечтать.

Кто-то скажет, что вот, мол, дуракам везет. Все дело в банальном везении, которое осыпает щедротами тех, кто их не заслуживает. Что «этому грязному представителю уличных отбросов» досталось колоссальное наследство, которое он не заслужил. Свалилось ему, словно чудесный снег на голову. Ну-ну! Уверю вас, что подобные высказывания – всего лишь злобная зависть тех неудачников, для которых успех ближнего своего пострашнее атомной войны или неоперабельного рака мозга. Они готовы продать душу дьяволу, лишь бы нагадить тому, кто обрел свое счастье. Сами они ничего не умеют, как только завидовать и вредить.

Думаете, мне попросту «повезло»? Что все дело в везении? Что эти миллионы, акции, предприятия, слава, известность судьба преподнесла мне на золотом блюде? Да вы ни черта не знаете, если думаете так! Мне пришлось приложить массу усилий, чтобы получить все это. Да-да! Массу усилий и труда! Я прошел через многое. Это только со стороны кажется, что тут одно голое везение и каприз судьбы. Но нет, господа и дамы. Мне пришлось самому в поте лица поработать, чтобы состряпать это самое «везение». И не думаю, что у меня хватило бы сил и смелости пройти через все это еще раз.

Вспомните, какой шум стоял после гибели миссис Эверет и оглашения ее завещания. Вся эта поганая свора родственничков, которые при жизни называли ее за глаза «старой маразматичкой» и издевались над ее милыми причудами, накинулась на меня. Ее дочка Мадлен, трижды побывавшая замужем и трижды разведенная. Разумеется, что мужья ее бросали! Жить с такой стервой не смог ни один из них. Оскар, ее непутевый сынок. За пятьдесят лет он не смог добиться успехов в бизнесе – все созданные им фирмы благополучно разваливались. Полный дегенерат! И конченный алкоголик. Это единственное, в чем он вполне преуспел. Лично я не помню ни одного дня, чтобы от него не воняло перегаром. А внуки? Ханна. Самая настоящая шлюха. Легче назвать тех, кто с ней не спал, чем тех, кто ее трахал. Тьфу! Джейкоб. Этот вообще наркоман. Все время проводит в клубах, где курит траву, глотает какие-то таблетки и колет вены героином. Его будущее – слдохнуть от передозировки в сточной канаве. Ричард, или, как все его называют, малыш Ричи. Жополиз и стопроцентный подлец. Он предал бы самого себя, если бы за это хорошо заплатили. Смерть миссис Эверет их нисколько не опечалила. Напротив, они были рады и предвкушали, как раздербанят ее миллионы. Можете себе представить, как вытянулись их рожи, когда они узнали, что Эверет переписала завещание на меня.

Они спустили с поводков целую стаю вонючих следователей, дознавателей, прокуроров, частных сыщиков и еще бог знает кого, чтобы разорвать меня в клочья. Хотели отобрать у меня

все то, что досталось мне по праву моего титанического труда. Хотели объявить меня преступником и убийцей, отправить на тот свет, а сами наслаждаться наследством моей милой старушки Эверет. Думаете, легко было противостоять этой толпе злобных и беспощадных стервятников? Попробуйте сами! И тогда поймете, чего мне это стоило, какого напряжения сил, нервов. Какого самообладания.

А когда эти жадные и обезумевшие в своей злобной зависти шакалы развернули против меня травлю на страницах всех этих газет? Они купили целый легион продажных и лживых журналюг. Дня не проходило, чтобы не появлялось очередной статьи, автор которой либо намекал, что трагическая кончина миссис Эверет слишком уж подозрительна в свете оставленного ею завещания, что ее гибель вполне могла быть выгодна «кое-кому», кто «внезапно появился в ее жизни и странным образом обрел ее доверие, пользуясь, наверняка, ее наивностью и великодушием». А другие вообще прямым текстом обвиняли меня, называя гнусным и расчётливым убийцей, и требовали для меня даже публичной казни. Как считаете, легко было при всем этом сохранять спокойное выражение глаз? А когда все эти стервятники толпой осаждали двери окружной прокуратуры, суда и даже особняка миссис Эверет, а мне приходилось проходить мимо них – думаете, было легко сохранять горделивую осанку ни в чем не виновного субъекта? Полагаете, мне не хотелось броситься на них и зубами разрывать их глотки? Но я сдерживал себя. Сдерживал, чтобы не наделать глупостей, не дать им даже малейшего шанса. Чтобы теперь я мог наслаждаться своим наследством и вспоминать обо всех этих уродах с легкой и презрительной улыбкой в глазах. И мне это стоило титанических усилий.

Прокурор Дантон из кожи лез, чтобы доказать мою причастность к смерти мисс Эверет. Хотел доказать, что она не сама упала с лестницы в ту роковую дождливую октябрьскую ночь. Он всеми силами искал улики. Но улики не было. В этом-то все и дело. Не было и нет никаких улик, указывающих на то, что я «помог» мисс Эверет совершить тот полет к нижней ступеньке лестницы, закончившийся для нее переломом шеи и поясничной области позвоночника. Улик нет. Она упала сама. Запомните! САМА! А тот факт, что на ее одежде были обнаружены мои следы, что в ту ночь мы были в огромном особняке лишь вдвоем, что завещание было составлено целиком в мою пользу – это не доказательства моей причастности к ее кончине. Я ее не убивал. Скажу больше, – даже мысли об убийстве моей любимой старушки у никогда не возникало и не могло возникнуть.

Дантон, мерзкая вонючая крыса! Щуплый, с лицом хорька и маленькими постоянно бегающими глазками. А как невыносимо мерзко от него воняло дешевым одеколоном «Инглиш Лазерс»! Как же хотел лично поговорить со мной! Как он желал лично меня допросить! И как бесился от злобы, что этого невозможно было сделать! Будь его воля – он бы допрашивал меня с помощью своих здоровенных помощников, которые бы планомерно ломали мне кости, чтобы получить признательные показания. Но у него попросту не было такой возможности. Не было и не могло бы быть по вполне объективным причинам. Но бог свидетель – если бы даже такая возможность у него и появилась, если бы он стал точить мне зубы тупым напильником безо всего наркоза, то я бы и тогда молчал. Единственное, что от меня бы могли услышать, появись у меня возможность лично выступить с публичным заявлением, так это только следующее: «Я любил мисс Эверет! Я любил ее всем своим большим сердцем! Любил бескорыстно! Я бы, не раздумывая, отдал за нее свою жизнь! И никакие миллионы, доставшиеся мне от нее в наследство, не смогут компенсировать мне ее утраты! Я бы отдал их ради ее воскрешения!».

Ну, разумеется, насчет «не смогут компенсировать» и «отдал их ради ее воскрешения» – тут я перегибаю палку. Не спорю. Но все остальное – чистейшая правда.

Кстати! Что ни говорите, но мой адвокат хорош! Теперь я понимаю, почему все те гости, что шлялись к моей горячо любимой мисс Эверет, так любили хвастать друг перед другом своими адвокатами. Адвокат и вправду незаменимая вещь в этой жизни. Если, конечно, он стоящий адвокат. А мой адвокат – настоящий бог. Уверю вас! Ему и только ему я обязан

всем тем, что сейчас имею. Более того – я обязан ему своим добрым и незапятнанным именем. И своей жизнью, что уж там греха таить.

Моя покойная старушка знала толк не только в хороших и добрых парнях, но и в отличных адвокатах. Он сражался со всеми этими стервятниками как лев. И победил. Он разделал их, словно Господь черепаху, и доказал мою полную непричастность к гибели мисс Эверет. Доказал, что я невиновен, что я не убийца и на совершенно законных основаниях могу вступить во владение всем тем наследством, которое мне оставила моя любимая старушка. Господи! Каким жалким было лицо Дантона, когда присяжные огласили свое решение и судья вынес вердикт. А у родственничков моей старушки чуть ядовитая пена не брызнула изо всех дырок. Да... В моих глазах он прочел искреннюю благодарность. И я теперь для него самый преданный друг. Уверяю вас.

Что? Не совсем понял ваш вопрос... Считаю ли я сам себя в чем-то виноватым? Вы что, считаете, что я ужокошил мисс Эверет? Считаете меня убийцей? Внимательно смотрите в мои глаза, чтобы прочесть ответ: «Нет, я не считаю себя виновным в ее смерти. Нет, я не убивал ее». Прочли ответ? Вслух вы его все равно не услышите. Теперь еще более внимательно читайте дальше. Я смотрю вам точно в глаза, так что контакт установлен.

Мы с ней познакомились случайно. В том парке у залива. Познакомились, когда я буквально подыхал от голода и холода, когда всему огромному миру было совершенно наплевать на то, что я умирал. Никому не было дела. Никому, кроме мисс Эверет Ван Лассен. У нее была добрая душа и чистое, отзывчивое сердце. Она взяла меня к себе. Представляете, взяла меня к себе! Меня, грязного, костлявого, еле ходившего от голода и с язвами по всему телу от какой-то там болезни.

И ведь я не «голубых» кровей. У меня в роду аристократов или богачей отродясь не было. А она меня взяла. Она меня спасла от голодной смерти, от мучительной смерти на морозе. Я обязан ей своим вторым рождением. Помню ее такие добрые, теплые и суховатые ладони, ее голос, ее взгляд. Мы сразу стали друзьями, а чуть позже полюбили друг друга. Полюбили искренне. И не имело никакого значения, что я никто, а она всемирно известная миллионерша и меценатка, что обо мне никто не знал, а перед ней стелилось полмира, что у меня за душой на тот момент не было ничего, абсолютно ничего, а у нее были сотни миллионов, свои предприятия, недвижимость по всему свету.

Да, она была немолода. Совсем немолода. И это еще мягко сказано. И уж совсем она не была красавицей. Но я ее любил. Любил за то, что она – это она. Что она просто есть в этом мире. А не за ее миллионы, как пытались убедить общественность ее поганые родственнички, оставшиеся на бобах, и нанятые ими журналисты. И она любила меня тоже искренне и бескорыстно. Любить меня «за что-то» проблематично: плебей плебеем, ничего за свою жизнь яркого не совершил, внешность самая что ни на есть простая и невзрачная. Да еще и говорить бог возможности не дал. Поэтому не стоит искать в наших с ней отношениях корыстный подтекст. Его не было и не могло быть.

Повторяю еще раз: я ее любил всем сердцем и бескорыстно. Как и она меня. И мы старались без остатка выражать свои чувства друг другу. Она заботилась обо мне. А я всегда был с ней рядом. Всегда поддерживал ее. Выслушивал. Никогда не перебивал. Никогда не смеялся над ней, не издевался над ее слабостями. Не строил рожи в спину. Не делал всего того, что делали ее подлые родственнички. И она знала, что я готов убить за нее любого. Любому вырвать горло по одному ее кивку. И знала, что я никогда не предаю ее и не изменю ей.

Поэтому чему тут удивляться, что она все свое огромное состояние завещала мне, а не этим детям, внукам и племянникам, которые называли ее, в лучшем случае, «сумасбродной старой каракатицей». Все произошло по справедливости. Но как они были оглоушены ее завещанием! Думали, что получают жирные куски ее собственности. Нет, господа! Все по справедливости. Кто был предан ей, кто любил ее искренне и бескорыстно, тот и получил «джек-

пот». А остальные могут и дальше верещать о «безумном завещании окончательно сошедшей с ума богатой старухи». Они уже ничего не смогут изменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.